

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

DOI 10.15826/izv2.2018.20.2.021
УДК 327.5(1-11) + 325.2:355.1 +
+ 94(470:510)“1929” + 94(518)

С. В. Смирнов
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ КОНФЛИКТ 1929 г. И РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Статья посвящена анализу характера и степени участия русской радикальной эмиграции, ядром которой являлись бывшие военнослужащие Белой армии, в событиях советско-китайского конфликта 1929 г. на Китайской Восточной железной дороге. Автор показывает, что, несмотря на продолжающееся сохраняться в отечественной историографии мнение о совместном участии китайской армии и белоэмигрантских вооруженных формирований в разжигании конфликта, китайские власти практически не привлекали белоэмигрантские организации к сотрудничеству в борьбе с советской стороной вплоть до последней стадии конфликта. Эмигрантские объединения «николаевской» ориентации, превалировавшие в Китае, выразили негативное отношение к конфликту, особенно в его начальной стадии, считая, что конфликт приведет лишь к ухудшению положения эмигрантов. Также не оказала поддержки радикальной эмиграции ни одна из держав, включая Японию, чья заинтересованность заключалась в сохранении статус-кво в Китае. Отдельные радикальные организации (Братство Русской Правды, Дальневосточный корпус русских добровольцев, Союз казаков на Дальнем Востоке и др.), стремясь использовать конфликт для подъема антисоветского движения, предприняли попытки развернуть партизанское движение в приграничных районах, но потерпели поражение. Наибольшую активность белые партизаны проявили на границе с советским Приморьем и в районе Трехречья, граничившего с Забайкальем. Восстановление и даже упрочнение позиций СССР в Маньчжурии после поражения Мукдена, а также еще ряд причин стимулировали начавшийся во второй половине 1920-х гг. процесс консолидации радикальной эмиграции в Китае и обеспечили рост антисоветского вооруженного сопротивления в эмиграции.

Ключевые слова: советско-китайский конфликт 1929 г.; русская эмиграция; военная эмиграция; Китайская Восточная железная дорога; Маньчжурия; Русский Обще-Воинский Союз; Братство Русской Правды; белопартизанское движение.

Цитирование: *Смирнов С. В.* Советско-китайский конфликт 1929 г. и русская военная эмиграция // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 2 (175). С. 9–22.

Поступила в редакцию 20.11.2017

Принята к печати 18.04.2018

Sergey V. Smirnov

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

THE SINO-SOVIET CONFLICT OF 1929 AND RUSSIAN MILITARY EMIGRATION

This article analyses the nature and extent of the involvement of the Russian radical emigrants, whose core comprised former officers and soldiers of the White army, in the Sino-Soviet conflict in 1929. The author demonstrates that despite the opinion persisting in Russian historiography about the joint participation of the Chinese army and the White émigré military units in the conflict, the Chinese government did not involve the White émigré organisations in their struggle against the Soviet Union until the last phase of the conflict. The “Nikolaevsky” emigrant associations prevailing in China expressed a negative attitude to the conflict, especially at its initial stage, convinced that the conflict would only lead to a deterioration of the situation of emigrants. Likewise, none of the powers, including Japan, supported the radical emigrants, being more interested in preserving their status quo in China. Seeking to use the conflict to instigate an anti-Soviet movement, some radical organisations (the Brotherhood of Russian Truth, Russian Far East Volunteer Corps, and the Union of Cossacks in the Far East, etc.) attempted to deploy a guerrilla movement in the border areas, but were defeated. The White partisans were the most active on the border with Soviet Primorye and in the district of Trekhrechie, bordering the Trans-Baikal region. The restoration and even strengthening of the USSR's positions in Manchuria after the defeat at Mukden and a number of other reasons stimulated the consolidation process of radical emigration in China begun in the second half of 1920s, and ensured the growth of anti-Soviet armed resistance in exile.

Key words: Sino-Soviet conflict of 1929; Russian emigration; military emigration; Chinese Eastern railway; Manchuria; Russian All-Military Union; Brotherhood of Russian Truth; White guerrilla movement.

Citation: *Smirnov, S. V. (2018). Sovetsko-kitaiskii konflikt 1929 g. i russkaia voennaia emigratsiia [The Sino-Soviet Conflict of 1929 and Russian Military Emigration]. Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts, 20, 2 (175), 9–22.*

Submitted on 20 November, 2017

Accepted on 18 April, 2018

Советско-китайский военный конфликт в Северной Маньчжурии в зоне Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) 1929 г. и участие в нем белой радикальной эмиграции неизменно присутствуют в исторических работах, посвященных советско-китайским отношениям 1920–1930-х гг. и русскому дальневосточному зарубежью. При этом участие белой эмиграции в событиях 1929 г. трактуется достаточно однозначно, мало чем отличаясь от тех оценок, которые давала советская публицистическая литература времен конфликта и советская историография 1970–1980-х гг. [Конфликт на КВЖД; Шкаренков, с. 169], разоблачавшие совместные провокационные действия белогвардейских банд и китайской военщины на советско-китайской границе в стремлении незаконно захватить КВЖД [Алексеев, с. 319, 320; Широкоград, с. 262]. Отдельные исследователи указывают на наличие 70 тысяч белогвардейцев в войсках военного губернатора Маньчжурии Чжан Сюэяна и значительное военно-техническое обеспечение белых [Аблова, с. 224; Балмасов, с. 343; Широкоград, с. 262]. При этом все русское население Маньчжурии в конце 1920-х гг. составляло около 70 тысяч человек, а техническое оснащение самой китайской Мукденской армии оставляло желать лучшего. Даже в тех работах, где подчеркивается незначительное и чаще всего не связанное с волей китайских властей участие радикальной эмиграции в конфликте и представляются отдельные эпизоды этого участия [Голдин; Кротова; Мелихов; Наземцева], нет более или менее полной картины антисоветских действий бывших русских военных, являвшихся ядром радикальной эмиграции, во время конфликта 1929 г. В свете этого настоящая статья является попыткой восполнить существующие пробелы в описании участия русской военной эмиграции в советско-китайском конфликте на КВЖД с опорой на сравнительно новые документы советских дипломатических и разведывательных структур и эмигрантские источники.

Напряженность в отношениях между СССР и Китаем вокруг КВЖД возникла почти сразу после восстановления двойственного управления дорогой в 1924 г. Одной из причин этой напряженности являлось то, что договор 1924 г., подписанный под давлением советской стороны [Переписка И. В. Сталина..., с. 74, 77], фактически восстанавливал дореволюционное положение «империалистической» России в Северной Маньчжурии, несмотря на декларируемые СССР принципы полного равноправия государств на международной арене. Другой причиной являлось использование советской стороной бывшей полосы отчуждения КВЖД в качестве канала экспорта революции в Китай. К концу 1920-х гг. напряжение достигло своего пика.

Нанкинское правительство Чан Кайши, боровшееся за объединение страны под своим руководством, стремилось лишить китайских коммунистов, главного из своих врагов, поддержки со стороны СССР и вернуть себе полный контроль над КВЖД. Деятельность Советского Союза в Китае Чан Кайши определял понятием «красный империализм», еще более опасный, чем империализм «белый». К тому же Чан Кайши, подталкивая к столкновению с СССР дружественного себе «правителя» Маньчжурии маршала Чжан Сюэяна, стремился

его ослабить и не дать тому объединиться с другими милитаристами. В свою очередь, Чжан Сюэлян ставил перед собой задачу установить собственный контроль над КВЖД, тем самым еще больше укрепив свои позиции и автономию в отношениях с Нанкином.

Первым шагом на пути эскалации напряженности между Мукденом и Москвой стал захват китайской полицией в декабре 1928 г. телефонной станции в Харбине, принадлежавшей КВЖД. В первой половине 1929 г. в китайской прессе развернулась мощная антисоветская кампания с требованием захвата железной дороги, ее принудительного выкупа и т. п. В мае 1929 г. китайская полиция совершила обыски в советском Генеральном консульстве в Харбине и консульствах в Цицикаре и на ст. Маньчжурия. Некоторые советские сотрудники были арестованы и вывезены в Мукден. В июле, после встречи Чан Кайши и Чжан Сюэляна в Пекине, китайцы осуществили вооруженный захват КВЖД. Были закрыты Торговое представительство СССР и представительства крупных советских торговых организаций. По всей линии железной дороги были закрыты и разгромлены профсоюзные и кооперативные организации советских рабочих и служащих дороги, часть советских сотрудников были уволены. Производились обыски и аресты советских граждан, некоторые из них были убиты. В Харбине для арестованных граждан СССР был создан специальный Сумбэйский лагерь.

Действия китайских властей нашли поддержку главным образом только у имевших свои виды на Маньчжурию Соединенных Штатов, предложивших создать нейтральную международную комиссию, которая взяла бы на себя управление КВЖД. Однако данное предложение не было поддержано Японией и Германией. Для других стран, как, например, Великобритании и Франции, имевших свои концессии и мощные позиции в экономике Китая, прецедент с незаконным захватом КВЖД был также крайне невыгоден.

В ответ на захват КВЖД правительство СССР закрыло в Китае свои дипломатические представительства, прекратило железнодорожное сообщение с китайской территорией, призвало советских железнодорожных рабочих и служащих начать забастовку. Места уволенных и забастовавших советских железнодорожников получили сотни русских эмигрантов, часть из которых являлись членами антисоветских организаций и белыми активистами. Это позволило китайской администрации КВЖД обеспечить бесперебойную работу железной дороги. Одновременно с попыткой остановить деятельность КВЖД советские власти приступили к концентрации частей Красной армии у границы. Ситуация приобретала вид старого «политического балета»: стремясь избавиться от советской «опеки», китайцы идут на обострение отношений — Советский Союз начинает военные маневры у границы — китайцы предлагают переговоры. В самом деле, в конце июля Мукденское правительство сформулировало свои предложения по урегулированию кризиса. Советская сторона откорректировала китайские предложения с минимальным ущербом для СССР и, казалось бы, конфликт мог быть исчерпан традиционным дипломатическим путем. Но в этот

раз, стремясь избавить себя в дальнейшем от повторения подобной ситуации, Москва решила наказать китайцев [Алексеев, с. 316, 317].

Еще в начале августа И. В. Сталин отдал приказ о создании Особой Дальневосточной армии под руководством К. В. Блюхера. После чего китайские предложения по урегулированию конфликта были отклонены по надуманному поводу и в октябре 1929 г. части ОДВА, перейдя советско-китайскую границу, начали боевые действия против войск Чжан Сюэяна. Всего за октябрь-ноябрь 1929 г. советскими воинскими частями были осуществлены три наступательные операции: Сунгарийская, Мишаньфунская и Маньчжуро-Чжалайнорская. Кроме регулярных войск советская сторона использовала в конфликте красные партизанские отряды под руководством чинов ОГПУ и диверсионные группы из советских граждан, проживавших в зоне КВЖД. Вооруженное противостояние закончилось полной победой СССР и подписанием в декабре 1929 г. Хабаровского протокола, восстанавливавшего статус-кво в Северной Маньчжурии.

Конфликт вокруг КВЖД заметно активизировал деятельность белых эмигрантских организаций. Стали формироваться вооруженные отряды, осуществлявшие набеги на приграничные советские территории. По оперативным данным Полномочного представительства ОГПУ Дальневосточного края, на протяжении советско-китайской границы от Даурии до Владивостока в зоне дислокации советских пограничных отрядов действовало 12 белобандитских формирований, численность которых в условиях военного времени, как предполагала советская сторона, могла достигать 1,5 тыс. человек, а максимальная численность всех военизированных эмигрантских организаций оценивалась в 6 тыс. человек [Аблажей, с. 91]. В Харбине предпринимались попытки формирования новых антисоветских объединений. Известно, что летом 1929 г. состоялось собрание по созданию так называемого Национального революционного комитета по борьбе с III Интернационалом, в состав которого вошел целый ряд офицеров, включая известных авантюристов генерала Н. И. Савельева и полковника И. А. Патиешвили [Русская военная эмиграция, т. 8, с. 100]. Другим образованием стало Объединение антикоммунистических организаций Дальнего Востока. Начальником Объединения являлся полковник Ф. В. Друри, ранее работавший у легитимистов¹. К наиболее активным членам организации также относился капитан Н. Н. Сушков, помощник начальника Харбинской дружины Русских Соколов, в свое время сотрудничавший с видным «николаевцем»² генералом Н. П. Сахаровым. И то, и другое объединение принимали решения об организации партизанских отрядов [Там же, с. 778, 779, 783, 784], вероятно, так и не реализовавшиеся. По крайней мере, о деятельности этих отрядов ничего не известно.

---

¹ Легитимисты («кирилловцы») — сторонники в. кн. Кирилла Владимировича. Военным объединением легитимистов являлся Корпус Императорской Армии и Флота (КИАФ), представленный в Китае Маньчжурским и Шанхайским подразделениями.

² «Николаевцы» — сторонники в. кн. Николая Николаевича-младшего, ядром их военного объединения являлся Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), имевший с 1928 г. Дальневосточный отдел.

Руководство Русского Обще-Воинского Союза в сложившихся условиях, отвергая путь иностранной военной интервенции и считая, что Россия должна быть освобождена из-под власти большевиков исключительно русскими руками, заняло весьма неопределенную позицию. Начальник РОВС генерал А. П. Кутепов в письмах к генералу М. В. Ханжину, начальнику Дальневосточного отдела союза, указывал, «что при возникновении военных действий на территории Маньчжурии и Монголии нам нельзя давать официального согласия на участие в борьбе с большевиками наших вооруженных сил (русских отрядов) совместно с японцами или китайцами» [MRC, b. 3, f. Переписка начальника Дальневосточного отдела РОВС]. К концу конфликта Кутепов заявил, что «русские национальные организации могут оказать помощь в борьбе с СССР лишь в случае определенной гарантии о ненарушении национальных интересов России» [Голдин, с. 73].

Неоднозначное отношение РОВС и ориентированных на него организаций к конфликту вокруг КВЖД, а также запрет Нанкином создания военных отрядов из белых эмигрантов [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 254, л. 17] не позволили по-настоящему широко вовлечь эмигрантских активистов в борьбу против СССР. В данной ситуации очень характерным является письмо председателя шанхайского Казачьего Союза войскового старшины Г. К. Бологова к генералу Ханжину от июля 1929 г.: «Сообщения о возможных формированиях русских белых частей в полосе отчуждения воспринимаются казаками очень чутко; да это и вполне понятно — там наша развязка. Мы, не имея достаточной информации, смутно себе представляем отношение Нанкинского правительства к белым русским, — поведение Японии и Атамана Семенова. По нашему мнению, вопрос об участии белых в происходящих событиях, как вооруженной силы, может быть разрешаем генералом Хорватом и Вами, как главой военных организаций на Д/В, в соответствии с указаниями с запада. Мы мало верим, чтобы частичное участие белых могло помочь делу. Нас стараются со всех сторон втянуть в политику, но будучи воинами и казаками мы от этого отказываемся...» [ГАРФ, ф. Р-5963, оп. 1, д. 19, л. 43].

Руководство Дальневосточного отдела РОВС и Дальневосточного объединения эмиграции (председатель — генерал Д. Л. Хорват), претендовавшего на главенствующую роль в среде русской эмиграции Дальнего Востока, не только не вошло в состав стихийно возникших в 1929 г. в Харбине антисоветских объединений, но и препятствовало организации белых партизанских отрядов, называя это авантюрами и даже провокациями, которые ничего не принесут эмигрантам, кроме новых бедствий [Русская военная эмиграция, т. 8, с. 783, 784; BAR, ROVS Papers, b. 68, f. Far East to Central Office (1927–1931)]. В этой связи необоснованными выглядят попытки монархического центра в Европе обвинить генерала Хорвата и других руководителей «николаевцев» в Китае, увлекшихся якобы организацией конных рейдов «а-ля Мамонтов» на советскую территорию, только усиливавших ненависть у местного населения к белым, в бездарно упущенном шансе свергнуть советскую власть хотя бы на Дальнем Востоке России [BAR, ROVS Papers, b. 68, f. Far East to Central Office (1927–1931)].

Только в ноябре 1929 г., когда китайские войска оказались перед угрозой полного разгрома, китайские власти Маньчжурии выразили готовность начать формирование воинских отрядов из русских. По этому поводу даже состоялась встреча генерала Ханжина и атамана Семенова [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 157, л. 20–22], практически ни к чему не приведшая. У Ханжина даже не было человека, ответственного за работу в ориентированном на Приморье Восточном районе. Генерал В. Д. Косьмин, ведавший этим районом при предшественнике Ханжина генерале П. Г. Бурлине, от работы отказался. Попытки привлечь к руководству И. В. Нарбута, члена Братства Русской Правды (БРП), сына генерала В. Д. Нарбута, и полковника Б. В. Меленецкого оказались неудачными — Нарбут наотрез отказался, Меленецкий, также первоначально отказавшийся, только весной 1930 г. принял это предложение [Там же, л. 33 об.; Наземцева, с. 354]. Между тем, китайцы проиграли войну, и формирование русских отрядов стало неактуальным.

Но даже не имея разрешения китайских властей, отдельные эмигрантские радикальные организации и группировки принимали участие в антисоветских акциях 1929–1930 гг.

На восточной линии и особенно в районе ст. Пограничная работали боевые группы из Шанхайского автономного отдела БРП, полковник Ф. Д. Назаров³, генералы Сахаров, Савельев и др. Белые оказали известную поддержку командованию китайского Восточного фронта. В качестве неофициального военного советника при командующем Восточным фронтом генерале Дэн Чао состоял имевший китайское подданство полковник (генерал-майор китайской службы) П. Д. Макаренко⁴, прибывший на ст. Пограничная как конторщик Коммерческого агентства КВЖД [АВПРФ, ф. 308, оп. 3, п. 7, д. 4, л. 4]. Во время боевых действий осенью 1929 г. Макаренко участвовал в разработке планов обороны ст. Пограничная [Наземцева, с. 360, 361].

Из района ст. Пограничная белыми партизанами было совершено несколько вылазок на советскую территорию. Свою первую вылазку полковник Назаров совершил в мае 1929 г. во главе отряда, набранного из бывших жителей приграничных сел Приморья. Потеряв часть людей, полковник все-таки смог вернуться на базу. Летом того же года, согласно советским источникам, Назаров предпринял еще ряд столь же безуспешных попыток форсировать границу [Базанов, с. 190]. Еще более неудачной стала вылазка на территорию Приморья отряда, организованного генералом Сахаровым.

---

³ Полковник Федор Дмитриевич Назаров, член организации С. П. Мельгунова «Борьба за Россию» и представитель парижского Казачьего Союза, прибыл в Китай из Европы в 1928 г. О его прибытии руководители шанхайского Казачьего Союза были извещены заранее [ГАРФ, ф. Р-5963, оп. 1, д. 26, л. 59], но никакой помощи от них полковник не получил. Перебравшись в Харбин, Назаров установил связи с генералом Бакшеевым, Гондатти, Метелицей и другими деятелями белого актива, не признававшими главенство в. кн. Николая Николаевича [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 147, л. 7].

⁴ Макаренко П. Д., кадровый офицер Русской армии, участник Гражданской войны на востоке России, служил в китайской армии на протяжении 1923–1928 гг., являлся командиром 166-й бригады 65-й дивизии и дивизиона бронепоездов Русской группы войск Шаньдунской армии генерала Чжан Цзунчана.

Генерал Сахаров, глава так называемого Дальневосточного корпуса русских добровольцев и член БРП, руководивший при генерале Бурлине всей партизанской работой «николаевцев», считал, что возможности, созданные для антибольшевиков конфликтом, необходимо активно использовать, но совершенно не имел денег для организации партизанского отряда. Более того, представители Дальневосточного объединения эмиграции в Харбине объявили затевавшуюся Сахаровым «авантюру» едва ли не советской провокацией и напомнили всем судьбу отряда полковника Карлова, снаряженного и направленного Сахаровым в 1927 г. на советскую территорию, где отряд был уничтожен советскими пограничниками [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 781]. Сахарова это не остановило, средства на организацию отряда он получил от капитана 1-го ранга К. К. Шуберта, прибывшего в Харбин в 1929 г. по заданию Высшего монархического совета (ВМС)⁵. Набор людей и подготовку снаряжения осуществлял подполковник Мартынов [Кротова, с. 72], имевший давние связи с партизанами. Командиром отряда был назначен полковник Мохов, в прошлом вербовщик Русской группы войск Шаньдунской армии на ст. Пограничная, работавший под началом генерала И. Ф. Шильникова.

В начале сентября 1929 г. отряд Мохова численностью в 22 человека вышел на советскую территорию. Совершив рейд по нескольким селам с агитационно-пропагандистскими целями, партизаны, в конце концов, были разгромлены подразделением ГПУ. Полковник Мохов и часть его бойцов погибли. Другие во главе с помощником Мохова, подполковником Н. Н. Степановым, были арестованы. Вскоре на страницах советских газет Приморья появилось покаянное письмо Степанова, а советская разведка получила немало интересных сведений, поскольку Степанов был близок к генералу Сахарову [Кротова, с. 71; МРС, б. 2, ф. Разведывательные сводки о положении в Советской России (ДВ)]. Для Сахарова этот провал стал сокрушительным ударом. В 1930 г. он покинул Маньчжурию и в дальнейшем обосновался в Шанхае.

Атаман Семенов и сибирские «областники» в организации антибольшевистских отрядов большие надежды возлагали на японцев. Деятельность семеновцев была сосредоточена главным образом на западной линии КВЖД и в районах Барги (Трехречье) с прицелом не только на Забайкалье, но и на Внешнюю Монголию. Главой Захинганской группы Семенова являлся проживавший в Хайларе генерал Н. А. Лоншаков, получавший инструкции от личного адъютанта атамана, хорунжего А. Ф. Кулакова из Дайрена. В 1929 г. Кулаков лично выезжал в Хайлар, но был выдворен оттуда китайскими властями. Захинганская группа имела тесные контакты с семеновской организацией в Харбине, возглавляемой генералом А. П. Бакшеевым [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 790–793].

---

⁵ События 1928–1929 гг. вызвали всплеск интереса к Маньчжурии в среде русских военных эмигрантов Европы. Немало офицеров из РОВС просили свое руководство отправить их в Китай. Но позиция, занятая РОВС в конфликте, и почти полное отсутствие свободных денежных средств не позволили этому осуществиться. В то же время ВМС в стремлении использовать конфликт в свою пользу направил в Китай группу офицеров во главе с Шубертом, в распоряжении которого была определенная сумма денег.

Согласно советским данным, летом 1929 г. в районе ст. Маньчжурия находились три белых отряда общей численностью не менее ста человек. Руководителями отрядов являлись И. Н. Воросов и хорунжий М. Н. Лапардин. На территории Трехречья базировались отряды подъесаула М. И. Бянкина, Н. И. Гордеева, Петрова [Русская военная эмиграция, т. 8, с. 93], сотника И. А. Пешкова⁶, хорунжего И. И. Зыкова, И. Аксенова, Пашкова, Сучкова, Аллаверды, Портнягина и Солдатова [Мелихов, с. 165].

В советских сводках упоминается о сотрудничестве руководства белых партизанских отрядов, действовавших в Аргунском районе, с командованием местных китайских воинских подразделений, в частности, с командованием 3-го полка [Тарасов], но эмигрантские источники рисуют другую картину. Русские отряды рассматривались китайцами как незаконные вооруженные формирования и мирились они с ними только в силу сложившейся ситуации. Мирное население с опаской относилось к партизанам и старалось с ними не контактировать. В сентябре 1929 г., в условиях растущей угрозы советского вторжения, Пешков собрал в пос. Драгоценка (центральный русский поселок в Трехречье) совещание с предложением мобилизовать молодежь в возрасте от 20 до 30 лет в отряды самообороны, но предложение не было поддержано. Представитель генерала Хорвата в Северо-Восточных провинциях Н. А. Митаревский обвинял Пешкова в том, что нападение его отряда на китайский поселок воспрепятствовало разрешению со стороны китайских властей создать из русских самооборону и вооружить ее [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 254, л. 17]. Поэтому противостоять красным партизанам, совершившим в начале октября вылазку в Трехречье, в результате которой несколько русских поселков были сожжены и в общей сложности пострадало около тысячи человек, эмигранты оказались бессильны [Геноцид русских людей...; Мелихов, с. 169].

Начало боевых действий между советскими и китайскими войсками и разгром красными партизанами нескольких трехреченских поселков заставил китайцев согласиться с созданием в Трехречье отряда самообороны численностью в сто человек под командованием есаула Пинигина. Отряды Пешкова, Зыкова, Аксенова и других белых вожakov также выполняли роль охранных, воздерживаясь от каких-либо вылазок на советскую территорию.

Японцы, для которых поражение китайцев в конфликте было гораздо выгоднее, чем поражение советской стороны, как и следовало ожидать, не оказали никакой помощи своим «подопечным». Ни атаман Семенов, ни «областники», которые вели переговоры с японскими политическими кругами с конца

---

⁶ Пешков Иван Александрович, офицер из 1-го выпуска Читинского военного училища (1920), служил в частях атамана Семенова, в 1-м Забайкальском полку. В 1920-е гг. работал с генералом Шильниковым, служил в Русской группе войск Шаньдунской армии в личном конвое дубаня. После возвращения из китайской армии снова восстановил связи с Шильниковым. Пешков являлся последовательным и активным антибольшевиком. Все знавшие его отмечали, что он хотя и молодой, но «очень храбрый и способный в боевом отношении офицер, особенно как партизанский начальник» [АВПРФ, ф. 0100, оп. 15, п. 165, д. 15, л. 2].

1928 г.⁷, не получили от японской стороны ни обещанного оружия, ни денег. Более того, в 1929 г. Высший суд Японии вынес решение о том, что деньги с частного счета генерала М. П. Подтягина, на которые белые возлагали большие надежды, являются «казенными», принадлежащими Дальневосточной армии Забайкалья, которой уже давным-давно не существовало. Т. е. истец как таковой отсутствовал, и получить эти деньги никто не мог.

Связи с представителями иностранных держав в деле организации партизанской борьбы против большевиков, как явствует из документов ИНО ОГПУ (не имеют подтверждения в эмигрантских документах), имел и генерал Ф. Л. Глебов, один из лидеров военной эмиграции в Шанхае. Якобы еще в сентябре 1928 г. Глебов с его помощником Голубевым имели совещание с японскими представителями в Порт-Артуре, где белым была обещана помощь оружием и боеприпасами. В 1929 г. о финансовой помощи Глебову при первом же выступлении в Приморье заявили англичане. Для борьбы с большевиками предполагалось организовать на Приморском направлении пять партизанских отрядов под общим руководством полковника Бирюкова, большого знатока Уссурийского края [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 716, 717]. О том, были ли организованы эти отряды и предпринимали ли они какую-то деятельность, ничего не известно. Также документально не подтверждено участие в организации боевых отрядов легитимистов. Однако генерал В. А. Кислицин, главный представитель в. кн. Кирилла Владимировича в Маньчжурии, в своих воспоминаниях времен Маньчжоу-го указывал, что, будучи в 1929 г. на службе в Управлении железнодорожной полиции, сформировал по предложению китайских властей несколько подразделений из бывших военных, задействовать которые в боевых действиях китайцы не решились [Кислицин, с. 14].

Разрозненные, слабо подготовленные, не имеющие надежной финансовой и материальной базы выступления белых были обречены на неудачу. К тому же советская разведка, имея разветвленную сеть информаторов, среди которых было немало бывших военных, членов различных антисоветских организаций, была хорошо осведомлена о действиях белых партизан и играла на опережение.

Согласно подписанному китайской стороной в декабре 1929 г. Хабаровскому протоколу, белые партизанские и самоохранные отряды подлежали роспуску, а белые активисты — высылке из Китая. В список белых активистов были включены генералы Макаренко, Сахаров, Нечаев, Шильников, полковник Назаров, есаулы Пешков и Плотников, а также Хорват и Остроумов [АВПРФ, ф. 100, оп. 14, п. 24, д. 19, л. 9]. Однако китайская сторона, сославшись на отсутствие инициалов у представленных в списке лиц, требование об их высылке выполнила частично. Тем не менее, часть белых руководителей, потерпев фиаско и опасаясь

---

⁷ Один из лидеров «областников» В. И. Моравский для переговоров с японцами несколько раз посетил Токио. А. А. Пурин в Дайрене, несмотря на запрет со стороны Хорвата, восстановил связи с местной Японской военной миссией и через нее стремился найти поддержку в организации повстанчества [НИА, Moravskii (V. I.) Papers, b. 9, f. 51. Correspondence].

репрессий со стороны Советов, покинули Маньчжурию. В частности, в Шанхай уехали капитан 1-го ранга Шуберт и генерал Сахаров [BAR, ROVS Papers, b. 68, f. Far East to Central Office (1927–1931)].

Советская сторона, не удовлетворенная арестами и высылкой отдельных радикалов из зоны КВЖД, выдвигала идею потребовать у китайских властей удаления всех эмигрантов, как бесподданных, так и имевших китайское гражданство, из бывшей полосы отчуждения, одновременно разжигая недовольство китайцев в отношении белых русских. Атмосфера жизни приграничных районов была достаточно тягостной, многие ожидали новой советско-китайской войны [Русская военная эмиграция, т. 8, с. 356, 357, 359].

Отдельные партизанские командиры на свой страх и риск пытались продолжить работу, побуждаемые к этому слухами о ширящемся сопротивлении советскому режиму в приграничных районах советского Дальнего Востока, вызванном сплошной коллективизацией и раскулачиванием. На восточной линии предпринимались попытки сохранить личный состав боевых групп, расселив его в линейных поселках, где имелось кое-какое оружие. Например, полковник Назаров⁸ получил назначение на ст. Ханьдаохэцзы, генералы Савельев и Макаренко — в район Мулина [АВПРФ, ф. 0100, оп. 14, п. 160, д. 15, л. 16], где занялись формированием нового партизанского отряда с базами в Мишане и Санчагоу (Дуннин). В сопках в районе ст. Пограничная скрывались отряды подполковника В. А. Емлина, одного из наиболее успешных и долгое время работавших на границе с Приморьем партизанских вожаков, и Коренева [Русская военная эмиграция, т. 8, с. 186, 187]. Согласно заявлению советского консула на ст. Пограничная, с начала марта до середины мая 1930 г. белобандиты из района станции совершили 10 налетов на советскую территорию, еще 8 налетов осуществить не удалось [АВПРФ, ф. 308, оп. 3, п. 7, д. 4, л. 1, 2].

После окончания конфликта и вывода советских войск с китайской территории в начале 1930 г. в Трехречье пришли части 8-го полка армии Чжан Сюэляна. Командующим китайскими охранными войсками и Хайларским гарнизоном стал генерал-лейтенант Су Бинвэнь. Русским было предложено расформировать отряды самообороны и сдать оружие. Отряд Пинигина требованиям подчинился, но Пешков и другие отказались и даже имели с китайцами вооруженные столкновения. В то же время тяжелое материальное положение партизан привело к разложению части отрядов. Вспыхнул конфликт между «зыковцами» и «аксеновцами», в результате которого Аксенов и часть его людей были убиты [BAR, ROVS Papers, b. 68, f. Far East to Central Office (1927–1931)]. В дальнейшем «зыковцы» «отметились» грабежами китайцев и набегами на монгольские угодья с целью угона лошадей.

В отличие от других групп отряд Пешкова, насчитывавший около ста человек, отличался порядком и крепкой дисциплиной. Командование 8-го полка

---

⁸ Полковник Назаров погиб в июне 1930 г. при возвращении из очередного рейда на советскую территорию.

организовало переговоры с Пешковым и предложило ему распустить отряд, обещая не преследовать ни самого Пешкова, ни его людей, и даже предоставить сотнику жилье за Хинганским хребтом. В ответ Пешков заявил, что желает сохранить свою организацию, так как скоро китайцам вновь придется воевать с Советами. Стремление Пешкова сохранить своих людей, вероятно, было связано с приказом атамана Семенова. Сразу после окончания конфликта Пешков и Зыков выезжали для встречи с Семеновым в Тяньцзин. Атаман произвел их в есаулы и заявил, что в начале лета под его руководством состоится выступление против Советской России, поддержанное японцами. Все верные ему казаки должны будут принять участие в этом выступлении [BAR, ROVS Papers, b. 68, f. Far East to Central Office (1927–1931)]. Общим руководителем партизанских отрядов на западной линии назначался генерал Закржевский. Пешкову было предложено встать под руку есаула В. В. Сараева, командира партизанского соединения в Барге [Русская военная эмиграция, т. 8, с. 192].

Естественно, никакого выступления так и не произошло. В конце концов, Пешков был вынужден принять предложение китайских властей, распустить свой отряд и временно отойти от дел, а большая часть «зыковцев» была арестована и получила тюремные сроки [Там же, с. 443].

Таким образом, советско-китайский конфликт, спровоцированный китайскими властями Маньчжурии и доведенный советской стороной до его военного разрешения в свою пользу при нейтралитете одних держав и молчаливой поддержке других, отказ китайских властей прибегнуть к помощи белых русских и нежелание белоэмигрантских центров поддерживать антироссийские акции китайцев изначально не дали никаких шансов радикальной эмиграции на успешное осуществление антисоветских мероприятий и тем более подъем антибольшевистского движения на советской территории. Более того, события лета-осени 1929 г. показали крайнюю уязвимость эмиграции в случае вторжения в Маньчжурию советских войск. В то же время нежелание радикальных эмигрантских организаций отказаться от прежней линии на вооруженное (и даже революционное) свержение советской власти вкупе с тайным стремлением китайцев добиться реванша и планами японцев упрочить свои позиции в Северной Маньчжурии, а также рост социальной напряженности в СССР в связи с массовой коллективизацией способствовали дальнейшей консолидации военно-политической эмиграции в 1930–1931 гг. Это, в свою очередь, привело к новому витку противостояния на Дальнем Востоке между белой эмиграцией и советской властью.

Источники

АВПРФ. Ф. 0100. Оп. 14. П. 160; Оп. 15. П. 165; Ф. 100. Оп. 14. П. 24; Ф. 308. Оп. 3. П. 7.

ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1; Ф. Р-5963. Оп. 1; Ф. Р-9145. Оп. 1.

Кислицын В. А. В огне Гражданской войны // Русская Атлантида. 2010. № 36. С. 7–14.

Переписка И. В. Сталина и Г. В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л. М. Караханом: документы, август 1923–1926 г. М.: Наталис, 2008.

Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века: документы и материалы / сост. В. А. Авдеев, Ю. А. Алексеев, И. И. Басик и др. Т. 7 : Восточная ветвь. 1920–1927 гг. М. : Изд. центр РГГУ, 2015; Т. 8 : Противостояние. 1927–1941 гг. М. : [б. и.], 2016.

BAR. Russkii Obshche-Voinskii Soiuz (ROVS) Papers. Box 68.

НИА. Moravskii (V. I.) Papers. Box 9.

MRC. Русские эмигранты на Дальнем Востоке. Box 2, 3.

Исследования

Аблажей Н. Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007.

Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М. : Рус. панорама, 2005.

Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). М. : Кучково поле, 2010.

Базанов П. Н. Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья. М. : Посев, 2013.

Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М. : Центрполиграф, 2007.

Геноцид русских людей в Трехречье. 1929 год [Электронный ресурс] // Историко-культурное наследие Кубани. URL: <http://www.rus-sky.org/history/library/trekhrechie.htm> (дата обращения: 15.04.2010).

Голдин В. И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е гг. XX века. Архангельск : Солти ; СПб. : Полторак, 2010.

Конфликт на КВЖД. Из истории Советских Вооруженных Сил / под ред. В. П. Зимонина. Хабаровск : Кн. изд-во, 1989.

Кротова М. В. Синдром антибольшевизма на Дальнем Востоке // Воен.-ист. журн. 2014. № 10. С. 71–77.

Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М. : Рус. путь, 2007.

Наземцева Е. Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях (1920–1940-е гг.). СПб. : Алетейя, 2016.

Тарасов А. П. Противостояние красных и белых в китайском Дамысово (28 сентября 1929 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://mifussr.lifejournal.com/71094.html> (дата обращения: 28.01.2014).

Широкопад А. Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество. М. : Вече, 2004.

Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М. : Мысль, 1986.

References

Ablazhey, N. N. (2007). *S vostoka na vostok: Rossiiskaya emigratsiya v Kitae* [From East to East: Russian Emigration in China]. Novosibirsk: SO RAN. (In Russian)

Ablova, N. E. (2005). *KVZhD i rossiiskaya emigratsiya v Kitae: mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (perвая polovina XX v.)* [KVZHD and Russian Emigration to China: International and Political Aspects of History (First Half of the 20th Century)]. Moscow: Russkaya panorama. (In Russian)

Alekseev, M. (2010). *Sovetskaya voennaya razvedka v Kitae i khronika "kitaiskoi smuty" (1922–1929)* [Soviet Military Intelligence in China and the Chronicle of the “Chinese Time of Troubles” (1922–1929)]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian)

Balmasov, S. S. (2007). *Beloemigranty na voennoi sluzhbe v Kitae* [White Russians in Military Service in China]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian)

Bazanov, P. N. (2013). *Bratstvo Russkoy Pravdy — samaya zagadochnaya organizatsiya Russkogo Zarubezh'ya* [The Brotherhood of Russian Truth — the Most Mysterious Organisation of the Russian Diaspora]. Moscow: Posev. (In Russian)

Genotsid russkikh lyudei v Trekhrech'e. 1929 god [The Genocide of the Russian People in Trekhrechye. 1929]. In *Istoriko-kulturnoe nasledie Kubani* [The Historical and Cultural Heritage of Kuban]. Retrieved from <http://www.rus-sky.org/history/library/trexrechie.htm>. (In Russian)

Goldin, V. I. (2010). *Rossiiskaya voennaya emigratsiya i sovetskie spetssluzhby v 20-e gg. XX veka* [Russian Military Emigration and Soviet Intelligence Services in the 1920s]. Arkhangelsk: Solti; St Petersburg: Poltorak. (In Russian)

Krotova, M. V. (2014). Sindrom antibol'shevizma na Dal'nem Vostoke [The Syndrome of Anti-Bolshevism in the Far East]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 10, 71–77. (In Russian)

Melikhov, G. V. (2007). *Rossiiskaya emigratsiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh na Dal'nem Vostoke (1925–1932)* [Russian Emigration in International Relations in the Far East (1925–1932)]. Moscow: Russkii put'. (In Russian)

Nazemtseva, E. N. (2016). *Na diplomaticheskom urovne: problemy pravovogo statusa russkikh emigrantov v Kitae v sovetsko-kitaiskikh otnosheniyakh (1920–1940-e gg.)* [At the Diplomatic Level: The Legal Status of Russian Emigrants in China in the Sino-Soviet Relations (1920s–1940s)]. St Petersburg: Aleteiya. (In Russian)

Tarasov, A. P. *Protivostoyanie krasnykh i belykh v kitaiskom Damysovo (28 sentyabrya 1929 g.)* [The Confrontation between the Red and the White in Chinese Damysovo (28 September 1929)]. Retrieved from <http://mifussr.lifejournal.com/71094.html>. (In Russian)

Shirokorad, A. B. (2004). *Rossiia i Kitai. Konflikty i sotrudnichestvo* [Russia and China. Conflict and Cooperation]. Moscow: Veche. (In Russian)

Shkarenkov, L. K. (1986). *Agoniya beloi emigratsii* [The Agony of White Emigration]. Moscow: Mysl'. (In Russian)

Zimonin, V. P. (Ed.). (1989). *Konflikt na KVZhD. Iz istorii Sovetskikh Vooruzhennykh Sil* [The Conflict on the KVZhD. The History of the Soviet Armed Forces]. Khabarovsk: Knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

Смирнов Сергей Викторович

кандидат исторических наук, доцент
кафедры новой и новейшей истории
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Smirnov, Sergey Victorovich

PhD (History), Associate Professor
Department of Modern and Current History
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: smirnov_sergei@mail.ru
Scopus ID: 56768978800